

Актуальные проблемы педагогики традиционного прикладного искусства: традиции и новации

Проблемы методологии

Лебедев С.В., доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Высшая школа народных искусств (академия)», 191186, Санкт-Петербург, набережная канала Грибоедова, д. 2., лит. А, e-mail: servicleb@list.ru

Lebedev S.V., Doctor of philosophy, associate professor, head of the department of philosophy, Higher school of folk arts (academy), 191186, St. servicleb@list.ru

Защита «стержневой культуры» социума в условиях мультикультурализма: задачи профессионального образования.

Часть вторая

Protection of the «core culture» of society in the conditions of multiculturalism: tasks of professional education.

Part two

Аннотация. Во второй части статьи продолжено исследование феномена мультикультурализма, являющегося основной парадигмой культурного развития многих стран Запада. В статье отмечается вызванный мультикультурализмом кризис стержневой культуры западных стран и необходимость избежать этого кризиса в России. Выявлены причины возникновения мультикультурализма в идеологии и политики западных стран. Показано, что мультикультурализм приводит не к взаимному обогащению культур, а к фрагментации общества. Мультикультурные требования в области образования только способствуют рассыпанию общества в множество меньшинств. Многие элементы, которые впоследствии назовут мультикультурализмом, можно обнаружить в политике СССР в первые полтора десятилетия после революции. Делается вывод о необходимости критически и избирательно использовать мировой и отечественный опыт в системе образования, в том числе и при подготовке будущих художников традиционных художественных промыслов. Приводятся примеры из образовательной практики Высшей школы народных искусств (академии).

Ключевые слова: мультикультурализм, меньшинства, политкорректность, иммиграция, диаспора, стержневая культура, «коренизация», народное искусство.

Abstract. The second part of the article continues to consider the phenomenon of multiculturalism, which is the main paradigm of the cultural development of many Western countries. The article's author notes the crisis of the Western countries' core culture caused by multiculturalism and the need to avoid this crisis in Russia. The reasons for the emergence of multiculturalism in the

ideology and politics of Western countries are highlighted. It is shown that multiculturalism leads not to the mutual enrichment of cultures but the fragmentation of society. Multicultural demands in the field of education only contribute to society's disintegration into a multitude of minorities. Many elements, called multiculturalism later, were attempted in the USSR in the first decade and a half after the revolution.

Key words: multiculturalism, minorities, political correctness, immigration, diaspora, core culture, «indigenization», folk art.

Данная статья является продолжением ранее опубликованной автором первой части².

Стержневая культура как основа национальной идентичности

Самым печальным обстоятельством мультикультурализма стал кризис стержневой культуры западных стран. Как писал известный американский философ и социолог С. Хантингтон: «У большинства стран имеется стержневая, иначе основная культура, культура-мейнстрим, которой в той или иной степени привержены все или почти все члены данного социума. Эту национальную культуру, как правило, дополняют культуры “подчиненные”, существующие на уровне субнациональных или, реже, транснациональных групп, связанных религией, расовой или этнической принадлежностью, территорией, сословным статусом – словом, тем, что дает этим людям чувство общности» [13, с. 104].

При этом прибытие огромного количества иммигрантов, отличавшихся культурным многообразием, хоть и порождало множество проблем, все же не ставило под сомнение основы стержневой культуры. Причиной была быстрая адаптация мигрантов (аккультурация). Определение аккультурации было дано в 1936 году культурным антропологом Р. Редфилдом. Он определил: «Аккультурация проявляется тогда, когда группы представителей разных культур вступают в непосредственный и продолжительный контакт, последствиями которого являются изменения в моделях оригинальных культур одной или обеих групп» [4]. В XIX – первой половине XX веков в городах США, Канады, Австралии, Аргентины существовали (и в какой-то степени продолжают существовать) национальные иммигрантские кварталы: «Маленькие Италии», «новые Ирландии», еврейские, польские, греческие, армянские, и пр. В этих кварталах и проходила аккультурация иммигрантов и их потомков. Там они постепенно приобщались к ценностям стержневой культуры своей новой родины. Само существование таких кварталов, наличие множества земляков, имеющих связи и влияние в новой стране,

² Лебедев С.В. Защита «стержневой культуры» социума в условиях мультикультурализма: задачи профессионального образования. Ч. I. // Сетевое научное издание «Традиционное прикладное искусство и образование». – 2021. – №1. – С. 72-90. – URL: http://dpio.ru/stat/2021_1/2021-01-11.pdf (дата обращения: 20.02.2021).

помогали интегрироваться в местную культуру без особых психологических фрустраций.

Но постепенно, в силу многих обстоятельств, аккультурация резко замедлилась, а стержневая культура перестала быть основой идентичности жителей страны. С. Хантингтон определяет «мультикультурализм» как «сущность антиевропейской цивилизации», который «представляет собой движение, противостоящее монокультурной гегемонии Европы, которая, как правило, ведет к маргинализации прочих культур...» [13, с. 268].

Как отмечает З.С. Чертина, в США «государственная стратегия в сфере межэтнического взаимодействия существенно менялась – англосаксонское, ассимиляционное видение общества, рассматривавшее американскую культуру, ценности, как нечто статичное, раз и навсегда данное, уступило место плюралистическому, включавшему в себя культуры и ценности неевропейских народов. Произошла трансформация Соединенных Штатов – они стали представлять «не мы – народ», а «мы – народы» [15, с. 389].

Иммигрантам, а также и представителям всех остальных меньшинств, теперь нет смысла вливаться в местное общество путем приобщения к стержневой культуре. Напротив, именно принадлежность к меньшинствам способствует повышению статуса в обществе. Стало быть, свои отличия от стержневой культуры надо всячески демонстрировать и сохранять.

Размывание стержневой культуры приводило не к взаимному обогащению культур, а к формированию множества меньшинств, каждое из которых имеет свою культуру, мало связанную с культурами других обществ страны. Ослабление стержневой культуры, в конечном счете, привело к кризису национальной идентичности. Политкорректность, мешающая называть вещи своими именами, не дает возможности объективно оценивать состояние общества.

По мере того, как вновь прибывших жителей становилось все больше, в «принимающих странах» началась «политкорректность» и политика «мультикультурализма». Но ведь именно рассуждение об уважении ко всем без исключения культурам является железным доказательством того, что теперь уже западные культурные ценности отторгаются «новыми» жителями Европы. Это означает, что западная культура уже не впечатляет многих жителей самого Запада. Словесные рассуждения о «правах меньшинств», «всеобщем равенстве», «уважения к разнообразию» и прочие лозунги, не могут скрыть того обстоятельства, что на Западе не существует альтернативы этой политике [8, с. 260].

Но когда в обществе нет духовных скреп, оно рассыпается. Ничто не удерживает страну, если нет доминирующей стержневой культуры. Когда нет общей истории, языка, этнической и религиозной принадлежности, то это и есть фрагментация общества. Вот и сейчас во многих странах Запада уже, в сущности, нет нации, есть только совокупность различных меньшинств – расовых, этнических, конфессиональных, гендерных, корпоративных, и пр. При этом в богатых странах нет стимула что-либо менять. Зато в жизнь

вступает весьма многочисленное молодое поколение «некоренных по происхождению» граждан, готовое к борьбе за наследство Европейской цивилизации. Они не идентифицируют себя со страной проживания, равно как и с исторической родиной, откуда приехали их родители [8, с. 260]. При этом сохранившиеся у потомков иммигрантов «традиции большой семьи, поддерживающей патриархальный образ жизни, культивирующей обычаи еще родоплеменной солидарности, по своему резко проявлялись в диаспоре, становящейся своего рода метасемьей и обладающей своей собственной иерархией» [5, с. 35].

Социология и политология на Западе еще недавно придерживались оптимистических взглядов на проблемы, порожденные массовой иммиграцией в западные страны. Считалось, что постепенно иммигранты полностью интегрируются в местное общество, а все порожденные иммиграцией проблемы – лишь временные проблемы «врастания» выходцев из отсталых аграрных регионов мира в современное индустриальное и постиндустриальное общество. Ведь именно подобное произошло в США и Канаде с миллионами иммигрантов из Италии, Балканских и восточноевропейских стран, отличавшихся и религией, и языком и культурой от англо-протестантской культуры. Уже первое поколение детей иммигрантов, родившихся в стране, полностью усвоили стержневую культуру и стали «стопроцентными» американцами [8, с. 260].

Казалось бы, появление в среде британских индийцев, французских вьетнамцев, германских турок мощного среднего класса свидетельствуют о скором «вливании» диаспор в местное общество. Но теперь интеграционные процессы не срабатывают. Мультикультурализм лишь способствует укоренению особых обычаев и традиций у диаспор. В результате диаспоры окончательно превращаются в отдельные, ведущие сепаратное существование, общины. Парадоксальным образом, представители среднего класса из числа представителей диаспор, лично полностью интегрированные в жизнь страны, сами конструируют и реставрируют «этничность» своих земляков и соплеменников. Причина понятна: члены диаспоры для этих деятелей есть избиратели, и производители, и потребители.

Теперь многих «новых» американцев и европейцев, весьма многочисленных и укорененных в западных странах, продолжающих при этом ощущать себя чужими в этом обществе, сплывают новые мифы. Например, характерным является для представителей этнических меньшинств экзальтированное восприятие истории рабства или колониального прошлого исторической родины. Также сплывают меньшинства традиционная религия в фундаменталистской обертке, резко противопоставляющая свою «высокую мораль» морально разложившемуся в результате «сексуальной революции» Западу [8, с. 260].

Рано или поздно предоставление все новых прав меньшинствам при продолжающейся «замещающей» иммиграции приводит к переходу всей полноты экономической, культурной и политической власти в руки

меньшинств. Сначала представители меньшинств начинают робко требовать себе равных прав с коренными жителями, затем требование равенства приводит к требованию создания особых преимуществ для них («право на неравенство»), включая выплаты компенсаций за «эпохи угнетений». Затем меньшинства начинают агрессивно навязывать свои культурные и религиозные предпочтения. Когда у государства остается все меньше возможностей для социализации подрастающего поколения иммигрантов, это, в конечном итоге, приводит к созданию стихийной мультикультурной структуры населения. Мультикультурализм продолжает воспроизводить себя.

При этом рассыпавшееся общество, состоящее из множества меньшинств, само как бы запрограммировано на конфликты и расколы. В самом деле, трудно предположить гармоничное сосуществование общества, признающего однополые браки, и общества, для которого нормой является побивание камнями за супружескую измену.

Обостряют конфликты также и то обстоятельство, что каждая из групп меньшинств населения страны имеет не только свою историю, но и свое понимание общей истории страны, обладает своим «национальным мифом», чаще всего также и своим языком, и по-своему оценивает собственную роль в жизни государства. Отсюда вытекают и притязания меньшинств на перераспределение властных ресурсов.

Все это непосредственно отражается на системе образования западных стран, в которых из соображений политкорректности радикально меняются не только гуманитарные дисциплины (при преподавании которых много внимания теперь уделяется истории и культуре меньшинств, а также самокритики из-за проявления в прошлом преступной деятельности в отношении этих меньшинств), но и даже художественные и точные дисциплины. Под тем доводом, что искусство и точные науки созданы белыми мужчинами, и, следовательно, это вызывает оскорбление чувств представителей меньшинств, во многих учебных заведениях западных стран учебные программы стали урезаться. Между тем, в России всегда были готовы применять любой западный опыт как самый «передовой», и по этой причине у нас также уже начинается мультикультуралистское поветрие в области образования.

Итак, мультикультурализм в политике не привел к интеграции меньшинств, а напротив, укрепил барьеры между самими меньшинствами и сохраняющимся, хотя и постоянно уменьшающимся большинством.

Мультикультурализм на практике

Практически все существующие теории мультикультурализма признают, что все культуры равны. Следовательно, национальное большинство не должно устанавливать свои культурные ценности как главные и обязательные для всех. Большинство не должно пропагандировать какую-либо культуру как стержневую, которую все меньшинства должны

принять как свои. И, исходя из этих положений, осуществляется политика в области образования.

Составной частью политики мультикультурализма стали меры по установлению «позитивной дискриминации», или «Affirmative action». Так называются мероприятия, направленные на устранение последствий всех видов дискриминации при приеме на работу или учебу. Основная цель этой политики заключается в том, что группы людей, которые ранее подвергались дискриминации (женщины, афроамериканцы, индейцы, инвалиды), теперь должны наделяться дополнительными правами и льготами в сравнении с представителями большинства. Например, в большинстве западных стран меньшинствам положены квоты для поступления в государственные университеты и на государственную гражданскую службу, должны предоставляться дополнительные возможности для устройства на учебу и работу, продвижения по карьерной лестнице, получения особой надбавки к зарплате и т.д. Но результатом стало ограничение прав большинства.

В Европе идеи позитивной дискриминации получили свое распространение не только в виде защиты национальных меньшинств, но и предоставлении предпочтений по признаку пола, защиты равенства женщин в правах с мужчинами, недопущение ущемления во всех сферах представителей меньшинств [7, с. 4].

Вслед за созданием особых льгот началась полоса публичных покаяний за прошлые грехи перед меньшинствами, автоматически предполагающая выплаты денежных компенсаций меньшинствам.

Создание системы квот для представителей меньшинств не могло не сказаться и на политике, и на бизнесе. Так, 1 декабря 2020 года одна из ведущих американских фондовых бирж – Nasdaq – выступила с инициативой «установления большего разнообразия и равноправия в руководстве компаний, чьи бумаги котируются на бирже». Согласно предложению Nasdaq, котирующиеся на бирже компании должны иметь в своих советах директоров представителей меньшинств [18].

Но самой большой опасностью от позитивной дискриминации стал кризис системы образования во многих западных странах. Поощрение культурного многообразия привело к проведению в большинстве западных стран реформ в области образования – тотального пересмотра как школьных, так и университетских дисциплин по философии, истории, культуре. Теперь требовались отражать исторический и культурный вклад всех расово-этнических групп и меньшинств, изучать их этнокультурное наследие.

Как отмечают исследователи национальных проблем США И.А. Геевский, С.А Червонная, «еще в 1972 году Конгрессом был принят закон об изучении этнического наследия населения США. Этот закон предусматривал выделение федеральных ассигнований для создания в высших учебных заведениях факультетов по этническим исследованиям, а также введение в средних учебных заведениях соответствующих курсов и программ. К началу 1980-х годов в колледжах и университетах США действовало 250

специальных курсов по изучению исторического и культурного наследия афроамериканцев; многочисленные программы изучения истории и культуры американцев мексиканского происхождения, индейцев, азиатских, арабских, европейских этнических групп. В ряде учебных заведений возникли специальные центры, факультеты или кафедры этнических исследований» [3, с. 204]. В новом веке уже вряд ли может найтись высшее учебное заведение без аналогичных факультетов и кафедр.

Эти «позитивные действия» включали отход от монолингвизма, признание концепции многоязычия, дававшей возможность представителям этнических и расовых меньшинств использовать родной язык при обучении и в общественно-политической жизни [13, с. 388]. В США, где огромную массу жителей, составляют «латинос» или, более политкорректно, «hispanic» («испанцы», т.е. правильное сказать, «испаноязычные»), наблюдается дальнейшее распространение и популяризация испанского языка. Этому способствуют и СМИ Америки: функционирование сотен федеральных и региональных телеканалов и радиостанций с программами на испанском языке, выход в свет более 200 газет и 150 журналов [7]. В целом же, при сохранении нынешних тенденций, к середине XXI в. на испанском языке, по мнению специалистов, будет говорить не менее 60% населения США [2].

При получении образования с учетом особых привилегий для меньшинств общий уровень успеваемости падает. Причина здесь не только в том, что представители меньшинств в силу исторического «угнетения» более бедные. В значительной степени у представителей меньшинств пропадает стимул вообще хорошо учиться. В угоду меньшинствам значительно смягчены требования к учащимся. В результате школы выпускают огромную массу людей с завышенными амбициями и отсутствием всякой квалификации. Требование выдерживать политкорректность приводит к переполнению гуманитарных дисциплин специфическими дисциплинами по «гендерным теориям» и «истории меньшинств».

Видный американский экономист и социолог П.К. Робертс, бывший помощник по экономической политике министра финансов США, редактор самой главной деловой газеты мира «Уолл-стрит Джорнэл» (The Wall Street Journal) отмечал: «... идеологическая обработка (системный расизм), которая является основной функцией американского университетского образования, проникает в средние и начальные школы. Соединенные Штаты, пожалуй – первая страна, которая использует образование, чтобы разрушить собственное будущее. Безусловно, США – первая страна, которая сделала невозможным мультикультурное существование. Политика идентичности либерально-прогрессивно-левых разделяет страну на враждебные группы идентичности, некоторые из которых успешно культивируют статус жертвы, который они используют для подавления тех, у кого его нет... В Америке лучшие студенты страны – это уже не отличники. Лучшие ученики – это С-ученики [троечники], которых отвлекает идеологическая обработка и которые просто хотят жить дальше своей жизнью. Именно отличники

восприимчивы к демонизации своей страны и самих себя» [16]. При этом весьма трудно в условиях лицемерной «политикорректности» называть вещи своими именами. Тот же П.К. Робертс признавал: «...сегодня в Америке несогласие с официальным нарративом гораздо опаснее, чем в России или даже в Китае. По сути, в Америке свободная мысль мертва, подавляемая печатью, телевидением, радио и цифровыми привратниками, а также университетами, которые реконструируют американскую историю и общество с помощью чувства вины белых» [17].

Последствия мультикультурализма в сфере образования проявляются не только в общем снижении объема получаемых учащимися знаний. Многие представители меньшинств, даже после получения дипломов, не обладают достаточной квалификацией для дальнейшей карьеры, ведь во многом их успехи в учебе были лишь результатом различных льгот и предпочтений для них именно как для представителей меньшинств. В результате представители меньшинств так и не попадают в состав элиты, оставаясь по-прежнему членами одной из групп меньшинств. В результате продолжает воспроизводиться система множественного сосуществования меньшинств.

Возможности мультикультурализма в России

В России, к сожалению, не всегда критично воспринимали все идущие с Запада новшества. Вот и теперь в социогуманитарных изданиях обсуждается тема мультикультурализма в России. По мнению российских ученых, «мультикультурализм в России – это идеология и политика, надстраиваемая над этническими ценностями общенациональные; феномен этнокультурной фрагментации социума, который синонимичен «многокультурности» и выступает против культуры как общенационального движения. Признание расхождения между «мультикультурализмом как идеологией, политикой и мультикультурализмом как культурной многосоставностью общества, мультикультурализмом как жизненной реальностью» [11].

Иногда копирование западных терминов и понятий звучит просто комично. В самом деле, как относиться к такой цитате: «Мультикультурное образование – это процесс, который пронизывает все аспекты школьной практики, политики и организации как средства обеспечения наивысших уровней академических успехов для всех учащихся. Это помогает студентам развивать позитивную концепцию, предоставляя правдивые знания об истории, культурах и вкладе в общественное развитие различных народов. Таким образом, школьная программа должна непосредственно решать вопросы расизма, сексизма, классицизма, лингвистики, аблимии, эпоксизма, гетеросексизма, религиозной нетерпимости и ксенофобии [6, с. 309].

При этом практически все западные новшества могут вызвать у российских исследователей отечественной социальной мысли ощущение чего-то знакомого. В самом деле, политика мультикультурализма и толерантности (без использования этих терминов) применяли в России еще в позапрошлом веке. В частности, еще в Российской империи проводилась

политика фактического квотирования для различных этнических меньшинств и территорий с преобладанием «инородческого» населения (то есть с преобладанием жителей нерусской национальности – в те времена понятие «инородец» не имело унизительной коннотации).

Эта политика также осуществлялась и в сфере образования. В частности, в Прибалтийских губерниях империи расходы на образование были значительно выше общероссийских. В отчете, подготовленном по указанию Министерства народного просвещения в 1866 году, прямо указывалось на вопиющий факт чрезмерной поддержке правительством немецкого образования в Прибалтике в сравнении с внутренними губерниями империи: «...русское правительство на образование каждого немца в прибалтийских губерниях расходует в 60 раз более, чем на образование каждого русского в Вятской губернии, в 53 раза более, чем в Пермской и Оренбургской, в 40 раз более, чем в Воронежской, Тамбовской и Подольской» [1, с. 13].

Сразу после Октябрьской революции в СССР правящая партия стала проводить политику «коренизации» (официальный термин), официально провозглашенную XII съездом РКП(б) в 1923 году. Повсеместно учреждала национальные школы, распространяла национальные языки, позволяла учащимся обучаться на родном языке. В начальных школах РСФСР в 1920-х годах XX века преподавание велось на 68 языках. Так, в 1920-1930-х годах 46 этносов, не имевших свой письменности, получили свой алфавит.

Из соображений «политкорректности» (задолго появления этого термина) были переименованы некоторые этносы страны, прежние «старорежимные» названия которых считались оскорбительными. Так, самоеды стали ненцами, вотяки – коми, вогулы – манси, остяки – хантами, тунгусы – эвенками и пр.

Началось активное выдвижение «национальных кадров» на руководящие посты, преимущественно в пределах национальных автономий. С 1922 по 1927 гг. доля русских членов РКП(б) сократилась с 72 до 65% (при резком увеличении членов партии) [16, с. 275]. Уже в 1923 году в Совнарком Грузинской ССР не имелось ни одного народного комиссара из русских или армян, такая же ситуация была и в ЦК компартии республики [14, с. 134], хотя сами грузины составляли в то время лишь немного более 60% населения республики. В Горской АССР на Северном Кавказе местные русские обратились в Кремль с воззванием: «Жизнь русского населения стала ... невыносимой и ведёт к поголовному разорению и выживанию из пределов Горской республики... Полное разорение экономике края несут постоянные и ежедневные грабежи и насилия над русскими...» [14, с. 131-132].

Таким образом, этнические русские были дискриминированы на всех уровнях в пользу этнических меньшинств. Как видим, все это сравнимо с «позитивной дискриминацией» в США за последние полвека.

Оценивая последствия «коренизации», можно констатировать следующее: «В принципе, для первых лет советской власти это было

правильной мерой, привлекающей на службу общему для всех государству наиболее дельных и способных людей, вышедших из инертных масс национальных окраин. Однако подобная коренизация продолжалась и после того, как была ликвидирована неграмотность и культура коренного населения республик поднялась на среднесоюзный уровень, а нередко, и превосходя его. В результате во всех союзных республиках, и большинстве автономий РСФСР сложился громадный слой национал-бюрократии, занимавшей свои посты лишь благодаря принадлежности к коренной национальности» [9, с. 276]. И не случайным было то, что именно эта национал-демократия и развалила СССР.

Аналогичным образом в СССР по особой разнарядке во всех органах власти были представлены женщины, ветераны, инвалиды и пр. Даже на выборах на Съезд народных депутатов СССР в 1989 году 1/3 всех депутатов (750 человек) выдвигались от общесоюзных общественных организаций по определенным квотам (от партии, профсоюзных, общественных организаций, и пр.).

Из соображений политически правильного освещения исторических событий умалчивались многие «скользкие» факты (репрессии, коллаборационизм в период Великой Отечественной войны, обстоятельства борьбы за власть в «верхах», и др.). Таким образом, нетрудно отметить поразительное сходство между практическим мультикультурализмом в СССР и на современном Западе. Но все же можно выделить и принципиальные отличия между ними. В СССР, несмотря на все «перегибы», продолжала доминировать строжневая культура, основанная на русской культуре. Национальные культуры всех народов СССР в значительной степени были лишь локальными вариантами общесоветской стержневой культуры. Знаменитая формула – «национальное по форме, социалистическое по содержанию», если под социалистическим понимать общесоветское, действительно отражала сущность происходящих социокультурных процессов. Кроме того, период самой безудержной «коренизации» продолжался в историческом смысле лишь около полутора десятилетий.

В ожидании неизбежной войны с западными странами, со второй половины 1930-х годов в СССР развернулась пропаганда патриотизма, правда, с прилагательным «советский». Было реабилитировано преподавание отечественной истории (а ведь еще в начале 1930-х годов глава советских историков М.Н. Покровский, «командир исторического фронта», называл слова «русская история» «контрреволюционным понятием»). На государственном уровне отмечалось 100-летие со дня смерти А.С. Пушкина. Это было официальным признанием преемственности стержневой русской культуры, которая теперь стала полностью «своей» и в СССР. Теперь уже не могло быть призывов «сбросить Пушкина с парохода современности». Наконец, покончено было с «перегибами» в области семейно-брачных отношений и общественной морали. Начавшаяся была советская сексуальная революция с теорией «стакана воды» и обществом «Долой стыд» была

остановлена. Пуританские нравы и добродетели стали обязательны для строителей нового передового общества.

Разумеется, ни в коем случае нельзя говорить о полном сходстве советского мультикультурализма с современным западным. В СССР автономии разного уровня имели народы, обладающие своей исконной территорией и местами компактного расселения. Иммигрантские диаспоры были активно представлены в различных национально-культурных автономиях, в большинстве своем упраздненных в конце 1930х годов. Так, в Ленинграде работали 12 национальных Домов просвещения (украинский, польский, еврейский, немецкий, финский, эстонский, татарский и др.). Но все национально-культурные организации действовали в русле советской стержневой культуры, «национальной по форме-социалистической по содержанию».

После распада СССР и торжества новых экономических отношений, сильно деформированная общесоветская культура продолжает оставаться в значительной степени стержневой культурой российского социума.

Таким образом, можно констатировать, что для России отсутствуют объективные потребности в мультикультурализме в западном понимании.

Нужен ли мультикультурализм России?

Мультикультурализм на Западе был вызван объективными обстоятельствами, в первую очередь социальными изменениями эпохи глобализации, упадком традиционной религии, изменением отношения к семье и браку, и радикальным изменением этнического состава ведущих стран западного мира. Россия, несмотря на вестернизацию 1990-х годов, все же сумела сохранить в основе стержневую культуру. При этом многие требования западного мультикультурализма существовали в России, как уже отмечалось, и ранее.

В России в настоящее время в основной массе граждан существует понимание того факта, что страна изначально является полиэтническим, поликонфессиональным, и, соответственно, мультикультурным государством. Процессы смешения культур разных народов всегда происходили в истории мира и России. Но Россия всегда сохраняла свою стержневую славяно-православную культуру. Сохранение национальной идентичности в наше время стало вопросом сохранения и России, и человечества в целом. Одним из важнейших проявлений идентичности является опирающееся на традиции народное искусство этноса. Заимствуя многие основы стержневой культуры из Византии, творчески перерабатывая восточные и западные влияния, русская народная культура сохраняла свои особенности. И именно поэтому не в копировании западного мультикультурализма, а в дальнейшем совершенствовании русской стержневой культуры, включая такой ее компонент, как традиционные художественные промыслы, должна заключаться культурная деятельность в стране.

В эпоху глобализации и цифровых технологий исконные культурно-исторические ценности народа выступают основным фактором формирования у новых поколений национального самосознания. Любая страна и любой народ стоят на определенной национальной идентичности, базирующейся на религии, языке, исторической памяти, исторических традициях, наконец, на фольклоре и народном искусстве. При этом не меньшую роль играют такие элементы культурного наследия, как национальная кухня и старинные костюмы. Материальным же проявлением единства поколений страны являются произведения традиционных художественных промыслов. Именно в них проявляется то, что немецкий философ И.Г. Гердер называл «духом народа» (Volksgeist). Сам же народ, который обладает своим национальным искусством, есть Kulturfolk (культурный народ).

Таким образом, в современном мире для страны и народа необходима защита своей идентичности. Вершина сохранения и развития народного искусства – его ревитализация, то есть возобновление жизни народного искусства, т.е. не только сохранение традиционных художественных форм, но и развитие новых.

В силу этого основной задачей образования в России должно стать сохранение традиций в подготовке профессиональных кадров, воспитании и культурно-образовательном развитии населения, а также популяризации русских традиционных художественных промыслов. И именно в таком направлении потребуются изменения школьной и вузовской программ, в которых необходимо усилить национально-культурную составляющую. Строго говоря, художником традиционных художественных промыслов может стать только человек, глубоко погрузившийся в художественные традиции своей страны, основы стержневой культуры.

В этом направлении плодотворно работает Высшая школа народных искусств (академия). Как отмечает президент Высшей школы народных искусств (академии) В.Ф. Максимович, большинство проблем в состоянии традиционных художественных промыслов России объясняются тем, что «преподавателями в этой области часто являются мастера народного искусства, в совершенстве владеющие профессиональным ремеслом, но не имеющие педагогического образования и, следовательно, слабо представляющие себе как теорию и историю образования, так и методы преподавания» [12, с. 36].

За время существования ВШНИ большинство преподавателей защитили диссертации. В результате уровень «остепененности» профессорско-преподавательского состава стала одним из самых высоких среди вузов России.

Любой обучающийся ВШНИ в процессе обучения проникается российской стержневой культурой. И в этом – миссия ВШНИ как учебного заведения.

Помимо профессиональных знаний, умений и навыков будущим художникам традиционных художественных промыслов необходимы знания, относящиеся к социально-гуманитарным наукам. Эти дисциплины методически обеспечивает кафедра философии, которая осуществляет подготовку студентов по предметам общегуманитарного цикла. Социально-гуманитарные науки призваны через анализ прошлого и настоящего осваивать духовные традиции, нравственность, общественное и частное начало жизни. Философские дисциплины призваны заблаговременно предупреждать общество об ожидающих его трудностях, разрабатывать альтернативные варианты решений и обосновывать выбор оптимальных, т.е. обеспечивать надежное социальное прогнозирование. Перемены в общественной жизни привели к отрицанию оценочных ориентиров, на которых строилось официальное обществознание. Но это привело не к уничтожению социально-гуманитарных наук, а к углублению дискуссий, осознанию в обществознании состояния, проблем и перспектив научного знания. Суть гуманитарного подхода состоит в том, чтобы в людях видеть не вещи, средства, объекты, а самостоятельные ценности со своими свойствами, связями и проявлениями.

В рамках многоуровневой системы обучения кафедра обеспечивает чтение курсов и проведение семинарских занятий по следующим дисциплинам: «Философия», «История», «Историческая этнология России», «Религиоведение». Все данные дисциплины учитывают специфику ВШНИ. Так, например, курс философии не сводится к изложению философии «вообще». В данном курсе раскрываются философские основы традиционных художественных промыслов. Также важную роль в подготовке будущих художников традиционных художественных промыслов играет «Религиоведение». Данная дисциплина особенно необходима, в первую очередь, потому, что религия (в случае России – православие) является матрицей всей национальной стержневой культуры. Программа по «Религиоведению» дает также основные знания о традиционных религиях народов России.

Характерной особенностью традиционных художественных промыслов России является то обстоятельство, что многие виды рождались исторически недавно. Можно вспомнить, что лаковая миниатюра Палеха, Мстёры и Холуя (которые стали одним из самых узнаваемых российских брендов) родилась в 1920-1930-х годах. Художественная обработка янтаря возникла сразу после 1945 года, причем совершенно стихийно, среди переселенцев в недавно присоединенную Калининградскую область. При этом в Калининградской области абсолютно преобладает городской образ жизни, средний уровень образования выше среднероссийского. Сам факт появления художественной обработки янтаря у поселенцев, среди которых первоначально вообще не было ни одного специалиста по янтарию свидетельствует о том, традиционные художественные промыслы – это не только старинные изделия, покрытые

благородной пылью, но и постоянный процесс возникновения новых видов и направлений.

Главная особенность подготовки будущих художников традиционных художественных промыслов в ВШНИ заключается в том, что академия готовит профильных специалистов, способных не только воссоздавать исторические образцы, но и создавать шедевры по собственным художественно-творческим проектам.

Таким образом, задачей сферы образования России является не копирование мультикультурализма, который подрывает национальную идентичность, превращая общество в совокупность меньшинств, а защита и дальнейшее развитие стержневой культуры страны, составной частью которой являются традиционные художественные промыслы.

Интерес к русским традиционным художественным промыслам в России и мире устойчиво растет. Это может считаться одним из показателей сохранения этнической идентичности русского народа. Без народного искусства трудно представить этнос с сильным самосознанием.

Заключение

Патриотизм – это в первую очередь верность и преданность не только своей стране, но и своей культуре. Идентичность каждого этноса, как уже отмечалось, определяется его стержневой культурой. Мультикультурализм размывает эту стержневую культуру, на место которой приходит множество культур (правильнее, субкультур) самых различных меньшинств. С какой-то странной гордостью заявлял еще кандидат в президенты Французской республики Э. Макрон в 2017 году, что «нет французской культуры, но есть разные культуры во Франции» [10].

В условиях мультикультурализма западного типа уже сложно говорить о единой системе образования в стране. Система есть совокупность определенных элементов, находящихся в определенном взаимодействии. Когда же вместо общества образуется совокупность меньшинств, то уже по определению очень проблематично, а может быть и невозможно развивать единую систему образования.

Результатом становится распад общества. В век глобализации и резкого ослабления этнической идентичности значение народного искусства для сохранения идентичности только усиливается. Собственно, уцелеют в современном мире лишь те нации, которые имеют свою культурную альтернативу глобализации. Чтобы не допустить исчезновения стержневой культуры в современной России, необходимо восстановить авторитет таких институтов, как семья, армия, и особенно школа. Модные рассуждения о «прогрессе», «многообразии» и «мультикультурализме» не могут скрыть того факта, что в результате проводимых преобразований в области образования и культуры в конечном счете стали кризис образования и культуры. Требуется немалая научная смелость для того, чтобы признать мультикультурализм тупиковым направлением мысли и практических действий в области образования и политики.

Литература

1. Богов В.А. Межэтнические противоречия и правительственная политика по вопросам образования в Лифляндии XIX века / В.А. Богин // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2017. – № 3 (10). – С. 6-20.
2. Гармаш М.В. Испаноязычный мир в США: нынешнее состояние и перспективы / М.В. Гармаш // Социология власти. – 2010. – № 8. – С. 97-103.
3. Геевский И.А., Червонная С.А. Национальный вопрос в общественно-политической жизни США / И.А. Геевский, С.А. Червонная. – Москва: Наука, 1985. – 273 с.
4. Гриценко В.В. Теоретические основы исследования социально-психологической адаптации личности/группы в новой социо- и этнокультурной среде / Гриценко В. // Портал психологических изданий PsyJournals.ru – URL: https://psyjournals.ru/sгу_socialpsy/issue/30303_full.shtml (дата обращения: 22.12.2020).
5. Деминцева Е. Быть «арабом» во Франции / Е. Деминцева – Москва: Новое литературное обозрение, 2008. – 182 с.
6. Еныгин Д.В. Особенности языковой политики в развитых странах западной Европы. / Еныгин Д. // Осовские педагогические чтения «Образование в современном мире: новое время – новые решения». – 2014. – № 1. – С. 309-311. – URL: <https://novainfo.ru/article/13863> (дата обращения: 06.12.2020).
7. Каменкова Л.Э., Мурашко Л.О. Позитивная дискриминация: понятие, содержание, эволюция / Каменкова Л., Мурашко Л. // Журнал международного права и международных отношений. – 2006. – № 2. – С. 3-8.
8. Лебедев С.В. Глокализация и «возврат этничности» в век глобализации. / Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 2 (69). – С. 257-261.
9. Лебедев С.В. Русские идеи и русское дело: национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем / С.В. Лебедев. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. – 557 с.
10. Мадам, Ваша проблема – Вы сами! – URL: <https://inosmi.ru/politic/20210423/249617348.html> (дата обращения: 13.02.2021).
11. Малахов В.С. После мультикультурализма: Европа и ее иммигранты / В. Малахов – URL: <http://polit.ru/article/2012/01/27/malakhov> (дата обращения: 21.12.2020).
12. Максимович В.Ф. Традиционное декоративно-прикладное искусство и образование. Исторический аспект, современное состояние и пути обновления / В.Ф. Максимович. – Москва: Флинта, 2000 – 200 с.
13. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. / С. Хантингтон, пер. с англ. А. Башкирова. – Москва: АСТ: Транзиткнига, 2004. – 635 с.

14. Хмара Н.И. Из опыта национально-государственного строительства в СССР (1920-е-1930-е годы) / Хмара Н. // Отечественная история. – 2006. – № 3. – С. 126-139.

15. Чертина З.С. Американская национальная идентичность и иммиграционные вызовы. / Чертина З. // Диалог со временем. – 2016. – Вып. 54. – С. 380-396.

16. Roberts P. C. America is a Dead Man Walking because American Youth, or Their Minds, Have Been Stolen. – URL: <https://www.paulcraigroberts.org/2020/10/30/america-is-a-dead-man-walking-because-american-youth-or-their-minds-have-been-stolen/> (дата обращения: 13.02.2021).

17. Roberts P.C. The Fate of the Peoples of the World. – URL: <https://www.paulcraigroberts.org/2021/04/26/the-fate-of-the-peoples-of-the-world/> (дата обращения: 13.02.2021).

18. Nasdaq Defends Its New Diversity Mandate. – URL: www.wsj.com/articles/nasdaq-defends-its-new-diversity-mandate-11607464071 (дата обращения: 17.12.2020).

References

1. Bogov V.A. Mezhetnicheskie protivorechiya i pravitel'stvennaya politika po voprosam obrazovaniya v Lifyandii XIX veka / V.A. Bogin // Zhurnal rossijskikh i vostochnoevropejskikh istoricheskikh issledovanij. – 2017. – № 3 (10). – S. 6-20.

2. Garmash M.V. Ispanoyazychnyj mir v SSHA: nyneshnee sostoyanie i perspektivy / M.V. Garmash // Sociologiya vlasti. – 2010. – № 8. – S. 97-103.

3. Geevskij I.A., CHervonnaya S.A. Nacional'nyj vopros v obshchestvenno-politicheskoy zhizni SSHA / I.A. Geevskij, S.A. CHervonnaya. – Moskva: Nauka, 1985. – 273 s.

4. Gricenko V.V. Teoreticheskie osnovy issledovaniya social'no-psihologicheskoy adaptacii lichnosti/gruppy v novej socio- i etnokul'turnoj srede / Gricenko V. // Portal psihologicheskikh izdanij PsyJournals.ru – URL: https://psyjournals.ru/sgu_socialpsy/issue/30303_full.shtml (дата обращения: 22.12.2020).

5. Deminceva E. Byt' «arabom» vo Francii / E. Deminceva – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. – 182 s.

6. Enygin D.V. Osobennosti yazykovoj politiki v razvityh stranah zapadnoj Evropy. / Enygin D. // Osovskie pedagogicheskie chteniya «Obrazovanie v sovremenном mire: novoe vremya – novye resheniya». – 2014. – № 1. – S. 309-311. – URL: <https://novainfo.ru/article/13863> (дата обращения: 06.12.2020).

7. Kamenkova L.E., Murashko L.O. Pozitivnaya diskriminaciya: ponyatie, sodержanie, evolyuciya / Kamenkova L., Murashko L. // Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij. – 2006. – № 2. – S. 3-8.

8. Lebedev S.V. Glokalizaciya i «vozvrat etnichnosti» v vek globalizacii. / Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2018. – № 2 (69). – S. 257-261.

9. Lebedev S.V. Russkie idei i russkoe delo: nacional'no-patrioticheskoe dvizhenie v Rossii v proshlom i nastoyashchem / S.V. Lebedev. – Sankt-Peterburg: Aletejya, 2007. – 557 s.
10. Madam, Vasha problema – Vy sami! – URL: <https://inosmi.ru/politic/20210423/249617348.html> (data obrashcheniya: 13.02.2021).
11. Malahov V.S. Posle mul'tikul'turalizma: Evropa i ee immigranty / V. Malahov – URL: <http://polit.ru/article/2012/01/27/malakhov> (data obrashcheniya: 21.12.2020).
12. Maksimovich V.F. Tradicionnoe dekorativno-prikladnoe iskusstvo i obrazovanie. Istoricheskij aspekt, sovremennoe sostoyanie i puti obnovleniya / V.F. Maksimovich. – Moskva: Flinta, 2000 – 200 s.
13. Hantington S. Kto my? Vyzovy amerikanskoj nacional'noj identichnosti. / S. Hantington, per. s angl. A. Bashkirova. – Moskva: AST: Tranzitkniga, 2004. – 635 s.
14. Hmara N.I. Iz opyta nacional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v SSSR (1920-e-1930-e gody) / Hmara N. // Otechestvennaya istoriya. – 2006. – № 3. – S. 126-139.
15. CHertina Z.S. Amerikanskaya nacional'naya identichnost' i immigracionnye vyzovy. / CHertina Z. // Dialog so vremenem. – 2016. – Vyp. 54. – S. 380-396.
16. Roberts P. C. America is a Dead Man Walking because American Youth, or Their Minds, Have Been Stolen. – URL: <https://www.paulcraigroberts.org/2020/10/30/america-is-a-dead-man-walking-because-american-youth-or-their-minds-have-been-stolen/> (data obrashcheniya: 13.02.2021).
17. Roberts P.C. The Fate of the Peoples of the World. – URL: <https://www.paulcraigroberts.org/2021/04/26/the-fate-of-the-peoples-of-the-world/> (data obrashcheniya: 13.02.2021).
18. Nasdaq Defends Its New Diversity Mandate. – URL: www.wsj.com/articles/nasdaq-defends-its-new-diversity-mandate-11607464071 (data obrashcheniya: 17.12.2020).